

4. Евсеев, В.Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Евсеев В.Н. – М.: [МГПИ], 1989.
5. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. – М.: Практика, 2002.
6. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4.

Т.Н. Воронина
ВоГУ, г. Вологда

ГОРОД И ГОРОЖАНЕ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Оппозиция «деревня – город» является одним из стереотипов «деревенской» прозы, реализованным в пространстве результатом художественного осмысления процесса отчуждения человека от земли в XX веке. Для данного противопоставления характерно понимание города и села не просто как принципиально разных образов жизни, но и как полярных типов этики и эстетики. Такое размежевание авторы деревенской прозы (В. Белов, Ф. Абрамов, В. Распутин, отчасти В. Шукшин и др.) связывают с разрушением (часто злонамеренным) традиционного уклада русского крестьянина. В одном из самых значительных произведений В.И. Белова, повести «Привычное дело», стоящей у истоков названного тематического течения в отечественной литературе, подобная пространственная поляризация начинает обретать свои формы.

Герой Белова – человек на земле, крестьянин (в настоящем или в недавнем прошлом). Авторский голос нередко переплетается с голосом персонажа, но даже при дистанцировании от последнего повествователь не выходит за рамки пространства героя. Этими факторами задается устойчивое восприятие деревни и города через призму «свое – чужое», при этом деревня в текстах Белова – всегда «свое», исходная точка этической и эстетической оценки бытия. Как «свое» сельское пространство наделяется осмысленностью, структурированностью, детализованностью, цельностью. Целостность и гармония «своего» связана в мировидении Белова с этически-эстетической категорией «лад», сформулированной писателем в одноименном очерке: «Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органичная взаимосвязь всех явлений, естественное вытекание одного из другого» [1, с. 281]. Лад подразумевает милосердие по отношению к природе, к земле, чувство

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

родного дома и своего дела, устойчивость порядка – образа жизни, заданного солнечным круговоротом. Все это, по мнению писателя, есть непрерывные условия существования русской культуры, о чем сказано в очерке «Ремесло отчуждения»: «Я думаю сейчас, что выжили мы благодаря многовековой, устойчивой и непосредственной связи с землей» [3, с. 306]. В соответствии с данным комплексом представлений формальная принадлежность персонажа тому или иному пространству определяет отношение к нему автора, поэтому этически и эмоционально окрашена.

Хронотоп «Привычного дела» задан «своей» зоной, доминирующее положение в нем занимает деревня, показанная характерным для деревенской прозы взглядом «изнутри». Лад имманентен сельскому миру, является естественным порождением природы. Севернорусская деревня изображена максимально подробно и обстоятельно: сельский быт, изначальный круг крестьянских забот (как мужских, так и женских) накрепко укоренен в природе и обусловлен естественной необходимостью. Деревня является частью природного пространства, поэтизированного и одухотворенного, ее мир замкнут и самодостаточен. Город лишь косвенно присутствует в тексте повести и маркируется как пространство запредельное, чужое и даже чуждое. По большому счету именно извне в сельский мир проникает «порча бытия», несущая разлад: колхозное администрирование, идея легкой жизни.

На персонажном уровне можно выделить два типа представителей городской среды, оба объединены характеристикой «приезжие», «гости».

Первый, «начальство», – это люди-функции, именуемые в тексте исключительно по роду занятий (уполномоченный, корреспондент), персонажи обезличенные и действующие формально. Корреспондент обозначен как «пришелец», единственная характеристика его внешнего облика – «наигранно панибратский голос» – подчеркивает неискренность, фальшивость. Его единственный вопрос к бабке Евстоле («Как силосование двигается?») формален, а потому бессмыслен и остается без ответа [2, с. 44–45]. В небольшом эпизоде ярко продемонстрирована чужеродность данной фигуры: корреспондент бесцеремонно себя ведет, не оказывает должного уважения пожилой женщине. Еще более бесцеремонно ведет себя «районный начальник», «уполномоченный», выполняющий функцию контролера-карателя. Воспользовавшись бесхитростностью Гришки, он уличает Ивана Африкановича в преступном покосе для личной коровы, а затем ему же предлагает донести на других колхозников. Все действия уполномоченного сводятся к бездумному выполнению директив, при этом акцентируется его незнание крестьянской жизни и равнодушие к ней: «А уполномоченный взял косу, потрогал, каково она насажена на косьевище. Будто и в самом

деле умел насаживать косы и будто ему на самом деле было важно, хорошо ли насажена коса у Ивана Африкановича» [2, с. 63]. Сочетание облеченности властью с формализмом и незнанием дела создает ситуацию абсурда: инспектируя телятник, «приезжий важно стучал ногой в перегородки, принохивался и заглядывал в стайки» [2, с. 70], а недостаток выявил только один – отсутствие «наглядной» (агитации). Бессмысленность действий уполномоченного и одновременно его абсолютная власть над деревенскими жителями придают комическому абсурду трагическое напряжение. Районному начальнику неподвластен лишь такой же приезжий – отпускник Митька. Только последний может позволить себе безнаказанно предоставить вместо документа инструкцию от противозачаточных средств, тем самым превращая сакральную фигуру начальника в профанную и анекдотическую, то есть обнажая ее истинную сущность. Характерна единственная, но повторяющаяся деталь внешнего облика уполномоченного: шумящий, шуршащий плащ-макинтош. Эта одежда из непромокаемой ткани (явно городского гардероба) метафорически представляет непроницаемость и бездушность власти. В рассказе Курова фигура уполномоченного растворяется в череде сменяющих друг друга безликих «густомясых» временщиков с неизменным атрибутом значимости и городской жизни – толстыми, как пузыри, портфелями [2, с. 72]. Однако значительность оборачивается пустотой: пухлость портфелю придает бутылка водки. Сконструированные автором ситуации абсурда обостряют контраст между бессодержательной и нецелесообразной внешней властью и осмысленным существованием крестьянина на земле.

Второй тип персонажей, репрезентирующих город, – отпускники, жители деревни, уехавшие в поисках лучшей жизни и бывающие в родных местах наездами. Это и фоновые коллективные персонажи (приехавшие в отпуск девушки, «отпускники валили гужом» [2, с. 94]), и дочь Ивана Африкановича Танюшка, и его шурин Митька. Все они реализуют звучащий в тексте лейтмотив отъезда, связанный с темой разрушения, разлада сельского пространства. С одной стороны, эти персонажи демонстрируют крепость связи с родной землей, на которой они как бы возвращаются в естественное состояние. Так, о девушках-отпускницах, распевających частушки, сказано: «Ничего городского не пристало к этим девчужкам, так и остались певуньями» [2 с. 57]. Парень из заозерской деревни горестно признается Ивану Африкановичу, что влечет его родимая сторонushка, потому в год не по одному разу ездит. Даже у шалолая Митьки душа болит за деревню, он искренне горюет об утраченном сене. С другой стороны, отпускники – уже носители другого, городского, образа жизни, лишённого целесообразности и ритма. Характеристика этой жизни повествователем име-

ет отчетливую негативную коннотацию: «Приедут, отоспятся, пропьют отложенные от дорожных денег пятерки и бродят с прямыми, как дверные косяки, спинами <...> Те, что поспокойнее, часами высжидают на омутах, с фальшивым азартом дергают сопливых малявок. Считают, сколько осталось дней отпуска» [2, с. 94]. Ощущение праздности и бессмысленности такого времяпрепровождения усиливается тем, что в тексте отсутствуют описания рода занятий отпускников (что обусловлено взглядом изнутри), а также противопоставлением мелких деталей: для приезжих ловля рыбы – пустая забава, для Ивана Африкановича – способ прокормить семью. Здесь явно звучит мотив подмены настоящего, обусловленного естественной необходимостью, на пустое, фальшивое. Он реализуется в противопоставлении лица и маски приезжих: «К трезвому не подступишься, с пьяного мигом осыплется вся городская укрепа» [2, с. 94].

Особая и главная фигура среди отпускников – Митька. В словах председателя, представляющего его уполномоченному, акцентируется временность, непостоянство персонажа: «А-а, гость, дачник» [2, с. 71]. Появление брата Катерины деревенские бабы воспринимают как недобрый знак: «Принес леший в самый-то сенокос» [2, с. 66]. С Митькой связана актуализация смысловых модификаций оппозиции города и деревни, а именно: движения и покоя, ритма и ритмического сбоя.

В описаниях деревни преобладают детали, фиксирующие константность бытия. Круг ежедневных забот крестьян показан через быт семьи Дрыновых, он постоянен и вписан в суточно-календарный природный цикл. Акцент на повторяемости, устойчивости делается с помощью употребления большого количества глаголов несовершенного вида, слов и выражений вроде «опять», «вновь», «каждый день». Круговорот жизни как вечный и неизменный данный свыше закон осознает и Иван Африканович, любующийся восходом: «Восходит – каждый день восходит, так все время. Никому не остановить, не осилить» [2, с. 35]. С мыслью героя сливается авторский голос, озвучивает ритмический принцип жизни на земле: «Всему свой черед и свое место» [2, с. 41]. Ключевым в описании деревенских реалий и действий является определение «тихий»: «тихая дорога», «тихая заря», «тихие дожди» и т.п. Это главная характеристика естественного, правильного ритма, следование которому обеспечивает целостность природно-деревенского мира, лад: «сосны тихо грелись на горушке», «родничок тихо струил воду», «деревни тихо дымили трубами», коровы тихонько мычат, Катерина говорит детям «тихие слова». Нарушение такого порядка воспринимается как разлад, пошехонство и всегда имеет негативные последствия. Вспомним, как пьяный Иван Африканович в начале повести сбился с дороги, в результате нанес урон и без того скудному семейному бюджету.

Но главные выпадения из правильного ритма связаны с Митькой, человеком городского образа жизни. В основе такого существования лежит постоянное движение, для деревенских жителей бессмысленное и хаотическое, не случайно Дрынов называет такую жизнь колесной и непонятной. Уже само появление Митьки обозначено как сбой: он приехал «вдруг», а первая же авторская характеристика подчеркивает неустойчивость персонажа: «Не больно надежная опора Евстолиной старости» [2, с. 64]. В словах Евстоли, одном из первых упоминаний о Митьке в тексте, актуализирован мотив хаотического движения: «Весь измотался, работает по разным местам, да и бабы все переменные» [2, с. 34]. Он не просто не соблюдает должный порядок (ночью бодрствует, спит до обеда, ударяется в трехдневный загул), но и выключает из ритма Мишку, Ивана Африкановича и других мужиков. Ситуация обостряется тем, что это происходит в самую жаркую деревенскую страду – в сенокос. Хаотическая природа Митьки проявляется в его поступках, отличающихся спонтанностью: как приехал «вдруг», так точно не знает, когда уедет; беспорядочно сорит деньгами, принимает внезапные непродуманные решения. В то же время именно Митька является, пожалуй, единственным деятельным персонажем повести. Только он оказывает сопротивление колхозному абсурду, его бурная активность вызывает восхищение Ивана Африкановича: «Пес, не парень, откуда что и берется? <...> Недели не прошло – напоил всю деревню, начальство облаял, Мишку сосватал, корову сеном обеспечил. И все будто походя» [2, с. 73]. Митька же уговаривает Дрынова уехать из дома. Однако ритмический сбой в жизни деревни, выход за пределы круга оборачивается катастрофическими последствиями: сено конфисковано у всех сельчан, пахать под озимые начали поздно, Катерина умирает после отъезда мужа. Спаситель и устроитель оказывается трикстером, который «натворил дел» и уехал, как ни в чем не бывало. Не случайно из богатого фольклорного репертуара повести с братом Катерины связана городская блатная песня про молодого жулика. В результате Митька только усиливает абсурд. Связанный с персонажем мотив пьянки, загула обесценивает его действия и, помимо создания комического эффекта, работает на снижение образа в целом. Неумная энергия непутевого деревенского парня, вкусившего городской жизни, бьет наобум и разрушительна для окружающих. Линия персонажа, выполняющего деструктивную функцию, развивается от комического к трагическому. Шутка брата Катерины в разговоре с Пятаком («Я бы на месте начальства все деревни бензином облил, а потом спичку чиркнул» [2, с. 67]) в финале оборачивается непоправимой утратой в семье Дрыновых. Митька – один из первых в галерее промежуточных героев деревенской прозы, таких, как Константин Зорин («Воспитание по доктору

Споку» В.И. Белова), Андрей Пинигин («Прощание с Матёрой» В.Г. Распутина), Егор Прокудин («Калина красная» В.М. Шукшина), – людей, покинувших деревню, но не нашедших себе места в городе.

Покою и правильному тихому ритму деревни противопоставлено линейное аритмичное беспорядочное движение города. «Колесная жизнь» характеризуется словами несобственно прямой речи Ивана Африкановича как непонятная, «невесть откуда объявившаяся», т.е. внешняя, чуждая, и оценивается негативно. Как отмечает В.Н. Евсеев, «трагикомедия традиционной личности возникает в «точке выхода» из природного «круга», из «вертикального времени» (где личность приобщается к сформировавшейся культурной традиции) в историческое, неповторяющееся время» [4]. Иницированная Митькой попытка Дрынова принципиально изменить траекторию терпит сокрушительное фиаско. Неладно, сумбурно начавшаяся дорога в город приводит к неизвестной станции и завершается посрамлением горе-путешественника («сгребли на позор»). Наметившийся было вектор движения ломается, герой возвращается на свой круг.

В повести город в видении крестьянина связан с вечной мечтой о лучшей доле, легкой жизни – «роскошном житии и веселии». Сельский мир есть бытие реальное, «знакомое перезнаемое», «непродажное», трудовое, а из-за колхозного администрирования сведенное к выживанию, тяжкому труду на грани человеческих возможностей. С такого ракурса город видится дающим существование легкое, богатое, беспечное. Оно не конкретизировано, наделено лишь небольшим количеством атрибутов: паспорт, ученость, «квартира», хорошая работа. Содержание этих понятий «изнутри» малоизвестно, отчасти поэтому они наделяются особой значительностью. Упоминаемый ранее лейтмотив отъезда связан и с большинством «деревенских» персонажей. Все они мечтают о лучшей доле. Мишка в начале повести заглядывается на ученых зоотехниц, а в финале грозитя уехать к родственнику в Воркуту. Дашка Путанка бросает телятник, т.к. не хочет «ломить круглый год за двадцать рублей» [2, с. 39]. «Столл» семьи Дрыновых, Евстоля, и та пятый год собирается уехать к Митьке в город. Она же, вероятнее всего, неграмотная, желает лучшей жизни внукам и наставляет Анатошку: «Учиться не будешь, так всю жизнь зря и проживешь» [2, с. 34]. Катерина и Иван Африканович не видят перспективы для детей на селе («Чего в колхозе молодым людям?» [2, с. 34]). Поэтому таким важным представляется, что их старшую дочь Таньку, отправленную в няньки, прописали, скоро паспорт дадут, маячит перспектива «в училище поступать». Да и сам Дрынов собрался в город на заработки, по его собственному выражению, как бурлак. Знание о роскошной городской жизни сводится к скудным сведениям о хозяевах Таньки («люди-то богатые, нарядили ее

сразу, два платья ей купили, башмаки», «а люди-то попались ученые, с росями, да и дома-то мало бывают» [2, с. 34]) да черпается из рассказов отпускника Митьки. Брат Катерины как человек, уехавший за лучшей долей, на родной земле всячески демонстрирует богатство и успешность. Сорит деньгами, «козырем» ходит по деревне, кутит, носит золотые часы, «купленные с последнего рейса в Норвегию». При этом он не только не помогает деньгами семье, а сам же у своих занимает, что выявляет симулятивный характер такого поведения. Перспектива легких денег становится особенно манящей на контрасте трудового заработка Дрынова (18 рублей) и сулимых Митькой материальных благ: «А в Заполярье ты полтора ста рублей левой ногой зарабатываешь» [2, с. 84]. Такая работа напоминает веселый промысел по покраске ковров из «Одного дня Ивана Денисовича» А.И. Солженицына. Мир «роскошного жития и веселия» по отношению к деревне является запредельным, и это подчеркивается топографически: Северодвинск, Мурманск, Воркута – Север, край мира. Косвенная связь с ним повышает статус за счет потенциальной возможности выхода за границы своего круга. У Мишки в Воркуте родственник управдом, Ивана Африкановича в Москве в трех домах знают, а у Верки заозерской «братьев много по городам». Пропуском в это пространство является паспорт, непременный атрибут лучшей доли, или хотя бы справка на сером листочке, которую получает Иван Африканович в правлении. Запредельный мир, где в противовес понятному привычному делу жизни, по выражению Митьки, делают дела, остается недостижимым для Дрынова, превращается в финале в мираж, иллюзию, не случайно герой называет свое неудачное путешествие «фильмой».

Таким образом, непростые взаимоотношения деревни и города в повести выражены через целый ряд взаимосвязанных смысловых оппозиций: свое – чужое, покой – движение, порядок – хаос, ритм – сбой, настоящее – фальшивое, реальность – мечта и т.п. Данные противопоставления имеют ценностный характер и реализуются на разных уровнях текста: персонажном, сюжетном, предметном. Ключевыми в актуализации принципиальной разности урбанистического и сельского начал являются мотивы подмены, отъезда, ритмического сбоя (пошехонства, разрушения). Город имеет негативную коннотацию, а поляризация его отношений с деревней, намеченная в «Привычном деле», в дальнейшем творчестве В.И. Белова будет только усиливаться.

Литература

1. Белов, В.И. Лад: очерки о народной эстетике / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2012. – Т. 5.

2. Белов, В.И. Привычное дело / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.

3. Белов, В.И. Ремесло отчуждения / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2012. – Т. 7.

4. Евсеев, В.Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.01.02. [Электронный ресурс] / Евсеев В.Н. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/>

А.В. Фёдорова
ВоГУ, г. Вологда

ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ВЕЩНЫХ ОБРАЗОВ» В ПОВЕСТИ В. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

Все элементы структуры литературного произведения подчинены решению одной задачи: сформировать представление о человеке, о его типических и индивидуальных свойствах, ценностных ориентирах, нравственных установках, эмоциональных проявлениях, поведенческих особенностях и т.д. Одним из наиболее продуктивных принципов изображения персонажа становится его контакт с вещным миром, поскольку вещь является элементом не только материально-вещественной, но и идеально-духовной парадигмы сознания автора, повествователя и персонажа.

Чаще всего под вещным миром принято понимать совокупность именно материальных объектов, организующих среду бытового существования персонажей. Это среда материальная, однако формируется она с учетом знаковости каждого создающего ее вещного образа, его семантического потенциала, множественности соотносимых с отдельным образом значений. Вещь формирует представление о специфике социального и национального быта и бытия, дает нравственно-психологическую оценку герою, «вписывает» его в определенный историко-культурный процесс, являясь материальным хранителем памяти человека или группы людей (например, семьи), акцентирует ментальные качества: «Вещь обретает дар говорить не только о себе, но и о том, что выше ее и что больше связано с человеческим, нежели с вещным. Следовательно, вещь свидетельствует и о человеке в ряде важных аспектов его бытия» [3].

С помощью вещей создаются семантические поля отдельных персонажей, вступающих во взаимодействие на «вещном» уровне: обмен, подарки, купля-продажа и проч. Предметы выступают в функции «двигателей» сю-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).